

АЛЕКС СКАЙ

НЕЖЕЛАННАЯ
ГУВЕРНАНТКА
СНЕЖНОГО КНЯЗЯ

Дети, которых боялся двор

Алекс Скай

Нежеланная гувернантка снежного князя

<https://litres.ru/74345743>

Аннотация

Алиса очнулась в чужом теле, в чужом мире и с чужим именем. Теперь она — Алисандра Вейр, новая гувернантка в Снежном замке, куда не хотят ехать даже самые отчаянные.

Её задача проста: присматривать за двумя княжескими детьми до Совета рода и не задавать лишних вопросов. Ведь Эйрана и Миру боится весь двор. Говорят, мальчик замораживает окна изнутри, девочка разговаривает с зеркалами, а в ночь гибели их матери оба были в запретной башне.

Но Алиса видит не чудовищ. Она видит испуганных детей, которых слишком долго заставляли молчать.

И чем ближе она подходит к тайне Снежного дома, тем опаснее становится её положение. Холодный князь Рэйнар не доверяет ей, Совет хочет забрать детей, а безупречный лорд Савель слишком мягко улыбается, когда говорит о власти.

В этом замке имена можно потерять. Любовь — принять за слабость. А чужая гувернантка может оказаться единственной, кого выберет сам Север.

Содержание

Нежеланная у северных ворот	4
Дети, которых прячут от света	34
Правила гувернантки	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Нежеланная у северных ворот

Алиса очнулась оттого, что кто-то за стеной кареты сказал:

— Если новая гувернантка умрёт до Совета, виноватым сделают конюха. А мне ещё детей кормить.

Второй голос, женский и сиплый от холода, ответил негромко:

— Не умрёт. Такие, как она, долго держатся. Их не совесть греет, а расчёт.

Карета качнулась, колёса хрустнули по насту, и Алиса резко открыла глаза.

Сначала она увидела потолок — низкий, обитый потемневшей кожей, с медными заклёпками по углам. Потом — меховую накидку на своих коленях. Чужие тонкие пальцы, стиснувшие край этой накидки так крепко, что побелели костяшки. На пальцах блеснуло кольцо с синим камнем, холодным, как кусочек зимнего неба.

Не её кольцо.

Не её руки.

И уж точно не её карета.

Алиса попыталась вдохнуть глубже, но воздух обжёг грудь ледяной сыростью. За узким оконцем металась белая мгла. Ветер бился о дверцу, будто хотел сорвать её с петель и вытащить наружу всё живое.

Она сидела одна. Напротив — пустая лавка, на ней кожаный саквояж, перевязанный серой лентой. Рядом лежала папка из плотного пергамента. На верхнем листе крупным наклонным почерком было выведено:

Алисандра Вейр. Гувернантка. Допущена к службе в Северном княжеском доме до решения Совета рода.

Алиса прочитала раз.

Потом второй.

На третий раз буквы не стали ни понятнее, ни добрее.

— Алисандра, значит, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим: ниже, мягче, с лёгкой хрипотцой.

Карета остановилась так резко, что Алиса едва не ударилась плечом о стенку. Снаружи фыркнули лошади. Цепи упряжи звякнули протяжно, почти жалобно.

— Приехали, госпожа Вейр! — крикнул кто-то. — Северные ворота!

Госпожа Вейр.

Алиса закрыла глаза на мгновение. Только на одно. Внутри всё ещё пыталось удержаться за прежнюю жизнь — за тёплый подъезд, мокрый снег на асфальте, спешку, ключи в кармане, недописанное сообщение, свет фонаря, отражённый в чёрной луже.

Потом — белая пустота.

И вот теперь это.

Она не закричала. Не бросилась на дверцу. Не стала требовать объяснений у чужих людей в чужом мире, где за ок-

ном вместо дороги чернели зубцы стен, а над ними висел замок, похожий не на здание, а на приговор.

Сначала надо понять, где ты.

Потом — кто рядом.

Потом — чего от тебя ждут.

Это правило работало с испуганными детьми. Возможно, с новым миром оно тоже сработает.

Дверца распахнулась. Внутрь ворвался снег.

На пороге стоял мужчина в дорожном тулупе, с красным от мороза лицом и виноватыми глазами. Он протянул руку, но тут же отдёргнул, словно вспомнил, что прикасаться к гувернантке княжеского дома может оказаться опаснее, чем к раскалённому железу.

— Осторожнее, госпожа.

Алиса ступила на подножку.

И замерла.

Снежный замок стоял на скале.

Не белый, как она ожидала, а тёмный, почти чёрный, с прожилками льда на стенах. Высокие башни поднимались в мутное небо, и ветер тянул между ними протяжный вой, будто где-то наверху плакала огромная невидимая птица. У ворот горели синие огни. Не факелы — холодное пламя в каменных чашах. Оно не давало тепла, только подчёркивало, как глубоко здесь укоренилась зима.

По обе стороны ворот стояли стражники в серых плащах. Лица неподвижные. Взгляды — на Алису, но без любопыт-

ства. Скорее с осторожностью. Так смотрят на вещь, которую привезли по приказу, но никто не рад, что она теперь будет храниться в доме.

— Быстрее, — сказала женщина у ворот. — Здесь не место для долгих поклонов.

Она была высокая, сухая, в чёрном платье без единой лишней складки. Седые волосы убраны под тёмный чепец. На поясе — связка ключей. В её лице не было возраста, только порядок. Такой порядок, который не просит согласия.

Алиса сразу поняла: управляющая.

— Леди Берта? — осторожно спросила она, надеясь, что имя всплывёт из какого-нибудь документа в папке.

Женщина чуть приподняла бровь.

— Значит, память при вас. Уже хорошо.

Вот как.

Значит, настоящая Алисандра Вейр должна была знать эту женщину. Или хотя бы ждать встречи с ней.

Алиса опустила взгляд, будто поправляла мех на плечах.

— Дорога была долгой.

— Здесь все дороги длинные, госпожа Вейр. Особенно те, что ведут в этот дом.

Леди Берта развернулась и пошла первой. Алисе пришлось следовать за ней через ворота.

Как только она пересекла линию между двумя каменными столбами, в воздухе что-то дрогнуло. Не звук, не ветер, не тень. Скорее чувство, будто невидимая холодная ладонь

провела по лицу, проверяя: своя или чужая.

Синие огни на миг стали ярче.

Стражники переглянулись.

Леди Берта остановилась, но не обернулась.

— Идите, госпожа Вейр.

Алиса пошла.

Внутренний двор оказался огромным и пустым. Снег лежал ровными пластами, нигде не тронутый детскими следами, собачьими лапами или суетой слуг. Только прямая дорожка от ворот к парадной лестнице была очищена до тёмного камня. По краям дорожки стояли статуи волков, вытесанные так искусно, что казалось: стоит моргнуть, и каменные морды повернутся вслед.

Один волк был повреждён. У него не хватало уха, а на груди виднелась трещина в форме молнии.

Алиса непроизвольно задержала взгляд.

— Не советую интересоваться тем, что вас не касается, — бросила леди Берта, не замедляя шага.

— Я ещё не поняла, что меня касается.

— Дети.

Это слово прозвучало здесь слишком резко.

Не тепло. Не тревожно.

Как приговор.

У парадной лестницы их ждали ещё двое слуг: молодой лакей с опущенными глазами и женщина средних лет в сером фартуке. У женщины дрожали руки, хотя она стояла в мехо-

вой накидке. Когда Алиса приблизилась, служанка перекрестила пальцы странным знаком — быстро, почти незаметно.

Леди Берта заметила.

— Марта.

Служанка побледнела.

— Простите, миледи.

— Госпожа Вейр не привидение.

— Да, миледи.

— И не спасительница.

Марта опустила голову ещё ниже.

Алиса сделала вид, что не услышала последней фразы. Иногда лучший способ получить больше информации — не показать, что ты уже что-то заметил.

Внутри замок пах камнем, воском и морозом. Не тем уютным морозом, который остаётся на варежках после прогулки, а старым, въевшимся холодом. Он жил в стенах, в ступенях, в гобеленах, в длинных коридорах, где каждое движение отзывалось глухим эхом.

Леди Берта вела Алису через главный холл. Над лестницей висел огромный портрет мужчины в серебряных доспехах. Его глаза были выцветшими, почти белыми. На руках он держал младенца, завёрнутого в мех.

Под портретом — девиз, вырезанный на камне:

Север помнит тех, кто держит клятву.

Алиса прочитала и ощутила странный укол под рёбрами. Не страх. Скорее предупреждение.

— Ваши комнаты во втором крыле, — сказала леди Берта.
— Классная зала рядом с детской галереей. В западное крыло без разрешения не входить. В башню княгини не подниматься. В родовую часовню не спускаться. У северных дверей после заката не задерживаться.

— Впечатляющий список для человека, который приехал учить детей.

Леди Берта наконец остановилась и посмотрела на неё прямо.

Глаза у управляющей были светло-серые, острые. Они не изучали — взвешивали.

— Вы приехали не учить, госпожа Вейр.

Алиса молчала.

— Вас наняли, чтобы дети князя не сорвали Совет рода. Чтобы они были чисто одеты, молчаливы, спокойны и не появлялись там, где их появление может вызвать вопросы. Вы будете следить, чтобы они ели, спали, сидели в отведённых комнатах и не пугали гостей.

— Не пугали? — тихо повторила Алиса.

Леди Берта сжала губы.

— Совет через восемь дней. Если всё пройдёт благополучно, вы получите расчёт и покинете замок.

— А если нет?

Управляющая посмотрела в сторону длинного коридора, уходящего вправо. Там не было ни слуг, ни света, только ряд закрытых дверей и тёмные портреты на стенах.

— Тогда никто не будет думать о вашей плате.

В коридоре что-то звякнуло.

Марта, шедшая позади с саквояжем, вздрогнула так сильно, что чуть не выронила его.

Алиса обернулась.

— Там дети?

— Дети находятся в безопасном крыле.

— Для кого безопасном?

Леди Берта не ответила сразу. В этом молчании было больше, чем в любой фразе.

— Вы задаёте много вопросов для женщины, которой нечего доказывать.

— А мне нечего доказывать?

— Это станет ясно после первой встречи с князем.

Они поднялись по широкой лестнице. Под ногами лежала ковровая дорожка с узором из серебряных ветвей. Алиса провела пальцами по перилам — камень оказался ледяным. Не холодным от зимы, а словно внутри него текла замёрзшая река.

У второго пролёта она заметила маленький след на ковре.

Детская ступня.

Босая.

След был почти незаметен, будто тот, кто бежал здесь, касался пола едва-едва. Узор инея тянулся от него тонкой серебряной прожилкой.

Алиса остановилась.

— Госпожа Вейр, — сухо сказала леди Берта. — Не от-
ставайте.

— Ребёнок ходил босиком.

— В этом доме много старых следов.

— Этот свежий.

Управляющая медленно повернулась.

— В этом доме, — произнесла она тише, — вам будет
легче прожить, если вы не станете видеть всё, что попадаете
на глаза.

Алиса подняла на неё взгляд.

— А детям легче от этого станет?

Впервые на лице леди Берты что-то дрогнуло. Не жалость.
Не одобрение. Усталость.

— Детям в этом доме уже давно не бывает легко.

Она пошла дальше.

Комната Алисы оказалась просторной, но неприветливой.
Узкая кровать под тяжёлым пологом, письменный стол у ок-
на, камин, в котором едва теплились угли, шкаф, зеркало в
резной раме. На столе стоял кувшин с водой, рядом — мед-
ный таз. У окна лежал снег, набившийся в щель между ра-
мами, хотя стекло казалось целым.

Марта поставила саквояж на скамью и тут же попятилась.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Служанка вскинула глаза. Удивлённо. Почти испуганно.

— Госпожа?

— Спасибо, что принесли.

— Да... конечно, госпожа.

Леди Берта заметила этот короткий обмен и поджала губы.

— Ужин будет подан в малой столовой. До встречи с князем вам лучше привести себя в порядок.

Алиса посмотрела в зеркало.

И не сразу смогла двинуться.

Из глубины старого стекла на неё смотрела незнакомая женщина. Темноволосая, бледная, с тонким лицом и тёмно-синими глазами. Красивая — не мягкой красотой, а тревожной, колкой. На вид около тридцати. Чуть впалые щёки. Губы сжаты так, будто их хозяйка привыкла либо молчать, либо говорить неприятную правду.

Алисандра Вейр.

Гувернантка.

Женщина, о которой в этом замке уже имели мнение.

И это мнение, судя по взглядам, не сулило ничего хорошего.

— У вас есть вопросы? — спросила леди Берта.

Сотня.

Почему я здесь? Где настоящая Алисандра? Что произошло с детьми? Почему их боятся? Кто решил, что гувернантка нужна только до Совета? И почему у меня ощущение, будто этот замок ждал не её, а именно меня?

Вслух Алиса сказала:

— Как зовут детей?

Леди Берта чуть склонила голову.

— Наследник Эйран. Семь лет. Княжна Мира. Пять.

— Что они любят?

Марта у двери тихо втянула воздух.

Управляющая посмотрела на Алису так, словно та спросила не о детских вкусах, а о государственном преступлении.

— Их предпочтения не имеют значения.

— Для меня имеют.

— Для вас должны иметь значение правила.

— Дети без предпочтений — это уже не дети, леди Берта.

Это мебель, которую переставляют перед приездом гостей.

В комнате стало тише.

Слишком тише.

Даже огонь в камине будто сжался.

Леди Берта не повысила голос. От этого её слова прозвучали ещё холоднее:

— Ваша предшественница тоже любила говорить о детях так, будто они обычные.

— И где она теперь?

Марта охнула едва слышно.

Леди Берта медленно подошла ближе. От неё пахло снегом и ключами — если у металла, веками отпирающего чужие двери, мог быть запах.

— Слушайте внимательно, госпожа Вейр. Наследник Эйран однажды заморозил все окна в восточной галерее изнутри. Не снаружи, где ветер, а изнутри, где стояли люди. Княж-

на Мира заставила зеркала в бальном зале показать лица тех, кто давно похоронен в родовом склепе. В ночь смерти княгини оба ребёнка были в башне. После этого три гувернантки уехали до конца месяца. Одна не смогла говорить с детьми. Одна перестала узнавать своё отражение. Третья вышла к воротам босиком и смеялась, пока её не увезли домой.

Алиса слушала, не перебивая.

Страшные истории всегда рассказывают так, чтобы слушатель смотрел не туда.

— А что с ними делали перед тем, как это случилось? — спросила она.

Леди Берта замолчала.

— Что им говорили? Кто был рядом? Их наказывали? Запирали? Пугали Советом? Сравнивали с матерью?

— Вы не понимаете.

— Так объясните.

— Нет. — Управляющая отступила к двери. — Объяснять вам будет князь. А я скажу только одно.

Она задержалась на пороге и впервые за всё время произнесла не приказ, а предупреждение:

— Не смотрите детям в глаза, если хотите прожить дольше недели.

Дверь закрылась.

Марта не ушла сразу. Стояла с опущенной головой, мнала край фартука.

Алиса посмотрела на неё через зеркало.

— Вы тоже так думаете?

— Мне не положено думать, госпожа.

— Удобное правило.

Служанка подняла взгляд. В нём мелькнуло что-то почти живое.

— Не здесь.

— А где положено?

— Там, где за мысли не лишаются места.

Алиса медленно повернулась к ней.

— Мира и Эйран правда опасны?

Марта долго молчала. За дверью прошли шаги, потом стихли. Служанка прислушалась и только после этого ответила:

— Они дети.

Сказано было просто. Но в этом простом ответе оказалось больше правды, чем во всех страшных рассказах леди Берты.

— Они кричат? — спросила Алиса.

— Иногда.

— Ломают вещи?

— Иногда.

— Боятся?

Марта закусила губу.

— Всегда.

Алиса кивнула. Вот теперь картинка начала приобретать очертания.

Опасные дети.

Запертое крыло.

Совет рода.

Князь, которому нужна гувернантка не для воспитания, а для вида.

Двор, который ждёт, что дети ошибутся.

— Когда я их увижу?

— Если князь разрешит, завтра утром.

— А если не разрешит?

— Тогда лучше не спрашивать второй раз.

Алиса почти улыбнулась.

— Боюсь, это у меня плохо получается.

Марта испуганно посмотрела на дверь.

— Здесь не любят смелых женщин.

— Тогда почему наняли гувернантку?

— Потому что трусливые не доезжали до ворот.

Ответ вышел неожиданно сухим, почти острым. Марта сама испугалась собственной дерзости, поклонилась и выскользнула в коридор, оставив Алису одну.

Тишина навалилась сразу.

Алиса подошла к окну. За стеклом темнел двор. Ветер гнал снег по камням, словно заметал следы ещё до того, как кто-то успевал их оставить. В одном из дальних окон напротив мелькнул слабый свет. Потом ещё один. Затем оба погасли.

Она приложила пальцы к холодному стеклу.

Где-то там были дети.

Не чудовища. Не проклятие. Дети.

Семь и пять.

Она знала этот возраст. Знала, как ребёнок может молчать не потому, что ему нечего сказать, а потому что взрослые давно решили за него, что слышать не хотят. Знала, как смех становится защитой. Как взгляд в сторону — не упрямство, а попытка спрятаться. Как самое страшное слово для ребёнка не «наказание», а «опять».

Опять ты всё испортил.

Опять из-за тебя.

Опять ты не такой.

Алиса отдёрнула руку от стекла.

Нет. Сначала выжить. Потом разобраться.

Она открыла саквояж.

Внутри лежали аккуратно сложенные платья, бельё, гребень, несколько перчаток, тонкая книжка в кожаном переплёте и письма. Никаких личных мелочей, которые могли бы рассказать о хозяйке больше, чем документы. Ни ленточки, ни детского рисунка, ни засушенного цветка. Алисандра Вейр собиралась в княжеский дом так, будто ехала не жить, а выполнить поручение.

Алиса взяла верхнее письмо.

Печать была сломана. Текст короткий.

Госпожа Вейр,

ваша задача предельно проста: дети должны быть тихими до Совета. Не пытайтесь привязаться к ним. Не пы-

тайтесь их понять. Не задавайте лишних вопросов о княгине. После завершения службы вы получите обещанное.

Подписи не было.

Только маленький знак внизу: белый круг, перечёркнутый тонкой линией.

Алиса нахмурилась.

Её наняли не как гувернантку. Её наняли как замок на дверь.

Но настоящая Алисандра доехала ли сюда? Или исчезла раньше? И почему вместо неё теперь сидит Алиса, с чужим лицом и чужим именем, в комнате, где стены словно прислушиваются?

Она спрятала письмо обратно.

К ужину её проводил тот самый лакей с опущенными глазами. Он шёл быстро, не разговаривал, но пару раз украдкой оглядывался, будто проверял, идёт ли она следом или уже растворилась в замковом холоде.

Малая столовая оказалась длинной комнатой с низким сводчатым потолком. На столе стояли приборы на одну персону. У стены горели свечи. Над камином висел портрет молодой женщины в белом платье. У неё были светлые волосы, мягкий овал лица и такие грустные глаза, что Алиса сразу поняла: княгиня.

Мать детей.

Она была написана рядом с окном, из которого виднелся сад. Летний сад. Зелёный, тёплый, невозможный для этого

места.

Алиса подошла ближе.

На руках княгиня держала младенца, а рядом за её юбку цеплялся маленький мальчик. Художник поймал момент нежности: мальчик смотрел не в сторону зрителя, а на мать, с тем безусловным доверием, которое взрослые потом называют слабостью, пока не потеряют его навсегда.

— Не трогайте.

Голос прозвучал за спиной.

Алиса резко обернулась.

В дверях стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке, без украшений, без лишней роскоши. На первый взгляд он казался частью этого замка: тот же холодный камень, та же сдержанная сила, та же привычка молчать дольше, чем удобно собеседнику. Волосы тёмные, с серебристой прядью у виска. Лицо резкое, красивое не мягкостью, а опасной точностью черт. Глаза — серые, почти бесцветные.

Князь Рэйнар Снежный.

Алиса поняла это до того, как лакей у двери склонился почти до пояса.

— Ваша светлость.

Князь не посмотрел на слугу. Его взгляд был на Алисе.

Не изучающий.

Не заинтересованный.

Недоверчивый.

— Я не собиралась трогать портрет, — сказала Алиса.

— Здесь многие начинают с малого.

Она отступила от камина.

— А заканчивают?

— В зависимости от того, зачем приехали.

Хорошее начало. Тёплое. Почти домашнее.

Алиса сделала реверанс так, как успела подсмотреть у Марты. Не идеально, но достаточно, чтобы не выдать себя с первой минуты.

— Госпожа Алисандра Вейр, ваша светлость.

— Я знаю, кто вы.

«Сомневаюсь», — подумала Алиса.

Вслух сказала:

— Тогда вы знаете больше, чем я о вас.

Князь чуть прищурился.

Лакей у двери будто перестал дышать.

— Вам не сообщили, кому вы служите?

— Мне сообщили, что я буду гувернанткой.

— Вы будете надзирательницей.

Слово ударило резко.

Алиса не позволила себе отвести взгляд.

— Над детьми?

— Над наследниками, чьё поведение может решить судьбу княжества.

— Удобно. Когда дети ведут себя плохо, виноваты дети. Когда взрослые боятся за власть, это уже судьба княжества.

Тишина в столовой стала такой плотной, что свечи затрепещали громче обычного.

Рэйнар медленно подошёл ближе. Он двигался без спешки, но пространство будто само уступало ему дорогу.

— Вам советовали быть дерзкой?

— Нет. Скорее наоборот.

— Тогда почему вы не последовали совету?

— Я пока не услышала совета, который помог бы детям.

При слове «дети» его лицо стало ещё холоднее.

Но Алиса заметила другое: пальцы князя на мгновение сжались. Быстро. Почти незаметно. Не злость — боль, загнанная слишком глубоко.

— Вы не знаете моих детей, госпожа Вейр.

— Поэтому хочу познакомиться.

— Завтра.

— Почему не сегодня?

— Потому что я так решил.

— Они знают, что я приехала?

— В этом доме стены разносят новости быстрее слуг.

— Значит, знают.

— Возможно.

— И ждут?

— Мои дети давно никого не ждут.

Вот это прозвучало не как приказ. Как усталость, которую он сам себе не простил.

Алиса смягчила голос:

— В таком возрасте дети всё равно ждут. Даже если делают вид, что нет.

Рэйнар смотрел на неё долго. Слишком долго.

— У вас есть собственные дети?

Вопрос ударил неожиданно.

Не потому, что был грубым. Потому что в прежней жизни Алиса слишком часто слышала его в разных формах. Снисходительно. Подозрительно. Будто право понимать ребёнка выдавалось только вместе с личной колыбелью.

— Нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

— Из опыта.

— С какими детьми?

— С теми, от которых взрослые уставали раньше, чем успевали понять.

В его глазах мелькнуло что-то, но тут же исчезло.

— Красивые слова.

— Не очень. Просто правдивые.

Князь прошёл к столу, но не сел. Он стоял у высокого кресла, положив руку на спинку. Алиса заметила, что это место во главе стола, а приборы накрыты только для неё. Значит, он не собирался ужинать. Он пришёл не для беседы.

Он пришёл посмотреть, что за женщину ему привезли.

И решить, насколько быстро от неё придётся избавиться.

— Леди Берта объяснила вам правила?

— Некоторые.

— Я добавлю главные. Вы не выводите детей за пределы детского крыла без моего разрешения. Вы не позволяете им присутствовать на приёмах. Вы не обсуждаете с ними их мать. Вы не расспрашиваете слуг о ночи в башне. Вы не вмешиваетесь в решения Совета рода. Если дети проявляют... особенности, вы немедленно зовёте Барту или стражу.

Алиса подняла брови.

— Особенности?

— Вы поймёте.

— Мне не нравится слово «проявляют», когда речь о детях.

— Мне не требуется, чтобы вам нравились мои слова.

— А детям требуется?

На этот раз его взгляд стал действительно опасным.

— Не путайте смелость с правом.

— Не путаю. Смелость у меня пока вынужденная, а право вы мне сами дали, когда назвали гувернанткой.

— Я назвал вас надзирательницей.

— А я не согласилась.

Слуга у двери сделал маленький шаг назад, будто хотел исчезнуть в стене.

Князь смотрел на Алису так, словно за многие месяцы никто не позволял себе говорить с ним подобным тоном. Возможно, годы. Возможно, с тех пор, как умерла женщина на портрете.

— Вы понимаете, где находитесь? — спросил он тихо.

— В замке, где двое детей напуганы настолько, что взрослые решили считать их опасными.

— Вы ничего не знаете.

— Верно. Поэтому я задаю вопросы.

— Ваши вопросы могут стоить вам места.

— Я только приехала. Пока не успела к нему привязаться.

И тут случилось странное.

Не улыбка. Нет. На лице князя не появилось ничего настолько человеческого и простого. Но в уголке его губ дрогнула тень — едва заметная, быстрая. Словно он почти вспомнил, как это делается, и тут же запретил себе.

— Вам платят не за привязанность.

— Это заметно.

— Вам платят за тишину.

— С детьми тишина обычно означает одно из двух: они либо спят, либо им очень плохо.

— Осторожнее, госпожа Вейр.

— Я стараюсь.

— Недостаточно.

Он сделал шаг ближе.

Алиса почувствовала холод не от комнаты. От него. Не магический, не сказочный — человеческий. Такой холод бывает у людей, которые слишком долго держали себя в кулаке и теперь уже не помнят, как разжимать пальцы.

— Совет рода соберётся через восемь дней, — сказал Рэйнар. — До этого времени вы выполняете распоряжения. По-

сле Совета покинете замок. Не стройте планов, не заводите дружбы, не ищите благодарности. Здесь её не будет.

— А если детям станет лучше?

— Вам не поручали делать им лучше.

— Это многое объясняет.

— Что именно?

— Почему до меня не справились.

Он резко выпрямился.

В комнате словно стало на градус холоднее. Свечное пламя вытянулось тонкими синими язычками.

Алиса поняла: слишком далеко.

Но отступить было поздно.

Рэйнар заговорил не сразу. Когда заговорил, голос стал ровнее, а значит — опаснее.

— Три женщины до вас считали, что могут спасти моих детей лаской, песнями и умными рассуждениями. Одна плакала после первого вечера. Вторая умоляла перевести её в любое другое крыло. Третья обвинила моего сына в том, что он смотрит на неё глазами мёртвых.

Алиса стиснула пальцы.

— И что сказал ваш сын?

— Он ничего не говорит с чужими.

— Возможно, потому что чужие приходят к нему уже испуганными.

— А вы не испуганы?

Алиса посмотрела на портрет княгини, на пустой прибор,

на холодный камин, на мужчину, который говорил о собственных детях так, будто каждое слово давалось ему через лёд.

— Испугана.

Это признание, кажется, удивило его больше любой дерзости.

— Но не ими, — добавила она.

— Кем же?

— Всеми взрослыми вокруг них.

Рэйнар молчал.

Где-то далеко в замке хлопнула дверь. Потом ещё одна. По коридору пробежал сквозняк, и пламя свечей склонилось в одну сторону.

Князь отвернулся первым.

— Завтра утром леди Берта приведёт вас в детскую галерею. До тех пор оставайтесь в своих комнатах.

— Я могу спросить одну вещь?

— Вы всё равно спросите.

— Что любят Эйран и Мира?

Он замер у двери.

Плечи его оставались прямыми, но тишина вокруг изменилась.

— Это не имеет значения.

— Для них имеет.

— Госпожа Вейр.

— Я не спрашиваю о тайнах рода. Не спрашиваю о Совете.

Не спрашиваю о башне. Я спрашиваю, что любят ваши дети.

Он стоял спиной к ней так долго, что Алиса уже решила: ответа не будет.

Потом Рэйнар сказал:

— Мира любила стеклянных птиц.

Любила.

Прошедшее время.

Алиса не перебила.

— У неё была целая стая на подоконнике, — продолжил он глухо. — Синие, белые, прозрачные. Она говорила, что они поют, когда падает снег.

— А Эйран?

Пауза стала длиннее.

— Карты.

— Географические?

— Любые. Он рисовал коридоры, башни, дороги, которых не было на настоящих картах. Говорил, что однажды найдёт путь туда, где зима заканчивается.

Алиса проглотила ком в горле.

— Спасибо.

Князь повернул голову. Не полностью — только на четверть.

— Не благодарите меня за воспоминания, госпожа Вейр. В этом доме они редко приносят пользу.

Он ушёл.

Дверь закрылась без стука, но Алиса всё равно вздрогну-

ла.

Ужин остался нетронутым. Она заставила себя сесть, отломил кусок хлеба, сделала несколько глотков тёплого ягодного напитка и поняла, что больше не сможет. Слишком много чужого навалилось за один вечер: имя, лицо, замок, дети, которых запрещали видеть, князь, который хотел запереть не только их, но и собственную боль.

Когда лакей проводил её обратно, коридоры казались ещё длиннее. В окнах отражались свечи, и в этих отражениях иногда мерещилось движение. То маленькая ладонь за стеклом. То тень на повороте. То край светлого платья.

Алиса не оборачивалась.

Пока не услышала тихий звук.

Не шаг.

Скрип.

Она остановилась.

Лакей впереди тоже замер, но не повернулся.

— Что это?

— Замок старый, госпожа.

— Я спросила не про замок.

Он побледнел.

— Лучше идти.

Скрип повторился. Тоныше. Ближе.

Как будто кто-то медленно качал дверь туда-сюда.

Алиса посмотрела в боковой коридор.

Там, за аркой, начиналась галерея, освещённая редки-

ми настенными лампами. В самом конце виднелась высокая двустворчатая дверь с серебряным замком. На створках были вырезаны волки и ветви. У порога лежала полоска инея.

Детское крыло.

Она сделала шаг.

Лакей почти в ужасе прошептал:

— Госпожа Вейр.

Алиса остановилась.

Разум подсказывал: не сейчас. Она не знает правил, не знает людей, не знает, что здесь считают проступком. Первый же вечер — не время ломиться к детям, которых ей ещё не доверили.

Но сердце уже запомнило босой след на лестнице.

— Кто там? — спросила она негромко.

Коридор ответил тишиной.

Потом за дверью что-то тихо стукнуло.

Один раз.

Второй.

Третий.

Не случайно.

Лакей отступил.

— Я позову леди Берту.

— Не нужно.

— Но...

— Проводите меня в комнату.

Он выдохнул с таким облегчением, будто она только что

сняла с его плеч смертный приговор.

Алиса пошла дальше. Медленно. Не потому, что сомневалась, а потому что чувствовала: за той дверью слушают.

И если она сейчас бросится туда, как спасительница из дешёвой сказки, дети испугаются.

Если уйдёт совсем — решат, что она такая же, как прежде.

У самой арки Алиса остановилась на мгновение и, не поворачивая головы, сказала спокойно:

— Завтра я приду.

Лакей вздрогнул.

За серебряной дверью было тихо.

Но когда Алиса дошла до своей комнаты, она заметила на рукаве маленькую снежинку.

Она не таяла.

Комната встретила холодом и полумраком. В камине горели угли, но тепла почти не было. Марта успела приготовить ночную сорочку, поставить у кровати свечу и оставить на столе тонкую стопку чистой бумаги. Видимо, гувернанткам полагалось вести записи.

Алиса сняла чужое платье, переоделась, заплела волосы кое-как, потому что пальцы всё ещё не привыкли к их длине. Потом подошла к зеркалу.

Алисандра Вейр смотрела на неё устало.

— Ну что, — тихо сказала Алиса своему отражению. — Поздравляю. Ты опять выбрала самый сложный класс.

Отражение не улыбнулось.

За стеной что-то прошептало.

Алиса замерла.

Сначала ей показалось, что это ветер. Он бился в оконную раму, забирался в щели, шуршал где-то под полом. Но потом звук повторился — тонкий, детский, почти прозрачный.

Она подошла к стене.

В комнате была ещё одна дверь, которую она раньше приняла за дверцу шкафа. Узкая, тёмная, с замочной скважиной, закрытой изнутри металлической пластиной. Алиса провела пальцами по дереву. Холодное.

За дверью кто-то дышал.

Очень тихо.

— Мира? — прошептала Алиса.

Дыхание оборвалось.

Она не знала, почему назвала именно это имя. Может, потому что девочка младше. Может, потому что стеклянные птицы почему-то задели сильнее карт. А может, потому что за дверью стоял не один ребёнок, и один из них испугался за другого.

— Я не войду, — сказала Алиса так же тихо. — Не буду открывать. Просто... я здесь.

Долгая пауза.

Потом совсем рядом с дверью прозвучал шёпот:

— Она слышала.

Второй голос, ниже и осторожнее, ответил:

— Нельзя.

— Но она сказала, что придёт.

— Все говорят.

Алиса прижала ладонь к двери, но не постучала.

С той стороны дерево тоже едва слышно скрипнуло, будто кто-то коснулся его пальцами.

Детский шёпот стал ещё тише.

— Она не такая, как прежние.

Пауза.

И затем:

— Она нас слышит.

Дети, которых прячут от света

— Она нас слышит.

Алиса не ответила сразу.

Иногда взрослым кажется, что если ребёнок первым потянулся к разговору, надо тут же ухватиться за эту тонкую ниточку обеими руками, начать спрашивать, успокаивать, обещать, объяснять. На самом деле чаще всего в такой миг нужно только не спугнуть. Не навалиться своим страхом. Не превратить едва приоткрытую дверь в допрос.

Она стояла босыми ступнями на холодном полу, в ночной сорочке, с ладонью на тёмном дереве потайной двери, и чувствовала, как с той стороны тоже кто-то почти не дышит.

Двое.

Маленькое частое дыхание — ближе к полу. Второе — тише, сдержаннее, будто мальчик заставлял себя быть старше, чем положено в семь лет.

— Слышу, — сказала Алиса наконец. — Но не стану заставлять вас говорить.

За дверью стало так тихо, что она услышала, как в камине осыпался уголёк.

Потом девочка прошептала:

— А если мы сами скажем?

— Тогда я послушаю.

— А если мы скажем плохое?

— Плохое тоже можно сказать.

Мальчик резко втянул воздух.

— Нельзя.

Одно слово. Глухое, напряжённое. Не капризное. Не упрямое. Выученное.

Алиса медленно опустилась на ковёр у двери. Не вплотную — оставила расстояние, чтобы дети не почувствовали, будто их прижимают к замку. Дерево было старое, с тонкими трещинами, и от него тянуло морозом. Не обычным ночным холодом, а тем самым северным холодом, который здесь, казалось, умел слушать.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда ничего плохого. Можно начать с простого.

— С какого? — спросила Мира.

— Например, я не знаю, как здесь правильно желают спокойной ночи.

Девочка молчала, но Алисе показалось, что она чуть придвинулась ближе.

— Спокойных снегов, — ответила Мира.

— Спокойных снегов, — повторила Алиса. — Красиво.

— Только детям так говорят.

— Значит, мне повезло узнать детское слово.

— Вы не ребёнок.

— Нет.

— И не наша.

Мальчик произнёс это так тихо, что Алиса скорее угадала

по движению воздуха, чем слышала.

Она не стала спорить. Нельзя становиться «своей» по собственному заявлению. Это право выдавали те, кто боялся поверить.

— Пока нет, — сказала она.

За дверью снова стало тихо.

Потом Мира спросила:

— Вы завтра правда придёте?

— Да.

— Даже если леди Берта не велит?

Вот теперь Алиса поняла, насколько внимательно дети слушали вечером. Может быть, не только у серебряной двери. Может быть, весь замок был пронизан ходами, щелями, тайными коридорами, через которые детское одиночество выбиралось наружу, когда сами дети не могли.

— Я постараюсь прийти так, чтобы не нарушить правила с первого утра, — сказала Алиса.

— Значит, не придёте, — мрачно сказал Эйран.

— Значит, сначала попробую законный путь. Если он окажется глупым, буду думать дальше.

Это был риск. Но Мира вдруг тихо хихикнула.

Смех вышел странным — не радостным, а удивлённым, будто девочка сама забыла, как он звучит.

— Она сказала «глупым», — прошептала она брату.

— Я слышал.

— А ты говорил, она будет шипеть.

— Я не говорил.

— Говорил. Ты сказал, все новые шипят, когда боятся.

— Это не значит, что она не будет.

Алиса позволила себе маленькую улыбку. Не вслух, не в голос. Просто уголки губ чуть дрогнули в полумраке.

— Шипеть я умею плохо, — сказала она. — Обычно это не помогает.

— А что помогает? — спросила Мира.

— Зависит от того, что случилось.

— Если все смотрят?

— Можно смотреть в ответ. Можно уйти. Можно взять за руку того, кто рядом. Можно сделать вид, что тебе нужно срочно поправить ленту, и дать себе время не расплакаться.

— А если ругают?

— Сначала понять, за дело или просто потому, что взрослым страшно.

Эйран за дверью едва слышно шевельнулся.

— Взрослым не бывает страшно.

— Бывает, — сказала Алиса. — Просто многие прячут это так неуклюже, что начинают пугать других.

Молчание после её слов стало другим. Не пустым. Думающим.

Вдруг где-то далеко ударили часы. Один низкий гул прокатился по стенам, потом второй. Полночь. Замок словно на мгновение задержал дыхание вместе с ними.

За дверью Мира зевнула.

— Идите спать, — мягко сказала Алиса.

— Мы не спим, когда новые приходят, — ответил Эйран.

— Почему?

Он не ответил.

Зато Мира прошептала:

— Потому что утром их лица другие.

Алиса почувствовала, как холод поднимается от пола к коленям.

Она не спросила, что значит «другие». Не ночью. Не через дверь. Не тогда, когда дети, возможно, сами не понимали до конца, что видели. Но записала эту фразу внутри так же чётко, как если бы внесла её в тетрадь: утром лица другие.

— Моё лицо утром будет сонным, — сказала она. — И, скорее всего, недовольным, если я совсем не высплюсь. Но оно останется моим.

— Не вашим, — тихо сказал Эйран.

Алиса замерла.

— Что?

— Ничего.

— Эйран...

— Спокойных снегов, госпожа Вейр.

Дерево у её ладони стало ещё холоднее. Потом с той стороны отступили лёгкие шаги. Один ребёнок ушёл сразу. Второй задержался на мгновение, будто хотел сказать что-то ещё, но передумал.

Алиса сидела у двери, пока в коридоре за стеной не стих

последний шорох.

Только потом поднялась.

До рассвета она спала урывками. Сон то проваливался в белую пустоту, то выбрасывал её в комнату с чёрными стенами и синим камнем на пальце. Один раз ей приснилось зеркало, замёрзшее изнутри. В глубине зеркала стояла девочка с прозрачной птицей в руках и спрашивала: «А если птица поёт только перед бедой, её всё равно можно любить?»

Алиса проснулась до стука в дверь.

За окном серело. Не светало по-настоящему, просто тьма стала менее плотной. Ветер стих, и замок без него казался ещё более настороженным.

Она встала, умылась ледяной водой из кувшина, оделась в самое простое тёмно-синее платье из саквояжа. Платье сидело на чужом теле непривычно хорошо, словно Алисандра Вейр тщательно подбирала вещи для женщины, которой предстояло производить впечатление не красотой, а сдержанностью. Алиса заплела волосы в низкую косу и закрепила её шпильками. В зеркале появилась та же незнакомка, но теперь в её лице было меньше растерянности.

— Не подведи меня, госпожа Вейр, — тихо сказала Алиса отражению. — Кем бы ты ни была.

В дверь постучали.

Марта вошла с подносом и тёплым серым платком на руке. Взгляд у неё был бледный, недосыпавший.

— Доброе утро, госпожа.

— Спокойных снегов, — сказала Алиса.

Поднос едва не качнулся в руках служанки.

— Кто вам это сказал?

— Случайно услышала.

Марта быстро поставила поднос на стол.

— Здесь случайно слышат только те, кого замок сам подводит к щели.

— Замок у вас самостоятельный?

Служанка оглянулась на дверь.

— Не говорите так при леди Берте.

— Она решит, что я легкомысленная?

— Она решит, что вы начали слушать.

Алиса взяла с подноса кусок ржаной лепёшки, но есть не стала.

— А это опасно?

Марта не ответила. Подошла к камину, поправила угли железной кочергой и только потом сказала:

— Для тех, кто слышит детей, да.

Вот и ещё один камешек в общую картину.

— Леди Берта придёт за мной?

— Через четверть часа.

— А князь?

— Его светлость уехал к северным воротам с рассвета. Ночью замёрзла внешняя цепь.

— Цепь?

Марта запоздало поняла, что сказала лишнее, и замкну-

лась.

— Слуги говорят слишком много, когда не выспались.

— Я никому не передам.

— Дело не в вас. Здесь стены не хуже людей.

Алиса посмотрела на узкую дверь, за которой ночью слышала детей.

— Марта, скажите мне одну вещь. Только одну. В детском крыле есть зеркало?

Служанка обернулась резко.

— Почему вы спрашиваете?

— Значит, есть.

— В старой игровой. Его приказали закрыть тканью, но княжна всё равно с ним говорит.

— С кем говорит?

— С зеркалом, госпожа.

— Не с отражением?

Марта побледнела.

— Не знаю. Я не смотрю.

— Потому что боитесь увидеть что-то?

— Потому что один раз увидела себя старой.

Она сказала это почти беззвучно и тут же прижала пальцы к губам, будто фраза вырвалась сама.

Алиса не стала расспрашивать. Видно было: ещё один вопрос — и Марта либо убежит, либо пожалеет, что вообще вошла.

— Спасибо.

Служанка взглянула на неё с упрёком и тревогой.

— Не благодарите за такое.

— За правду можно.

— В этом доме правда не подарок.

— Иногда всё равно лучше, чем тишина.

Марта хотела что-то ответить, но в коридоре послышались шаги. Ровные. Сухие. Безошибочно принадлежащие человеку, который привык, что перед ним открывают двери до того, как он поднимет руку.

Леди Берта вошла без улыбки.

— Госпожа Вейр. Вы готовы?

— Да.

Управляющая скользнула взглядом по её платью, косе, лицу. Остановилась на чашке, к которой Алиса не притронулась.

— Завтракать следует до встречи с детьми.

— Я поем после.

— После первой встречи аппетит обычно пропадает.

— Тогда тем более не стоит торопиться.

Марта опустила глаза, но Алиса заметила, как у неё дрогнули губы.

Леди Берта не оценила.

— Его светлость приказал допустить вас в детскую галерею на час. Под моим присмотром. Без прогулок, без посторонних разговоров, без открытых окон, без прикосновений к запечатанным дверям.

— Я могу разговаривать с детьми?

— Если они заговорят первыми.

— А если нет?

— Тогда будете молчать.

— Прекрасный метод воспитания.

— Это не воспитание. Это сохранение порядка.

Алиса подняла с кресла серый платок, который принесла Марта, и накинула его на плечи.

— В таком случае покажите мне порядок.

Леди Берта задержала на ней взгляд, словно пыталась понять, из чего сделана эта новая гувернантка: из глупости, упрямства или чего-то более неудобного.

Потом развернулась.

Детское крыло при утреннем свете выглядело не менее мрачно, чем ночью. Серебряная дверь стояла в конце галереи, тяжёлая и красивая. На створках волки тянули морды к ветвям родового дерева, а между ветвями были вырезаны маленькие птицы. Алиса заметила это только теперь. Птицы — прозрачные, если бы камень мог быть прозрачным. Наверное, их когда-то покрывали светлой эмалью, но время стёрло почти всё.

У двери стояли двое стражников.

Один совсем молодой, с испуганными ресницами, второй старше, с длинным шрамом у подбородка. При появлении леди Берты они распрямились.

— Ночью? — спросила управляющая.

Старший стражник бросил быстрый взгляд на Алису.

— Без происшествий, миледи.

— Мне нужен ответ, а не удобная фраза.

— Княжна не покидала комнату. Наследник был в галерее до второго колокола, потом вернулся сам.

— Почему не доложили?

Стражник сжал челюсть.

— Его светлость приказал не тревожить детей, если они не выходят за серебряную черту.

Леди Берта поджала губы, но спорить не стала.

Алиса посмотрела вниз. На полу перед дверью действительно была тонкая серебряная линия, вплавленная в камень. Не просто украшение. Граница. Слишком красивая для решётки и слишком холодная для порога.

— Они не могут выйти? — спросила Алиса.

— Могут, — сказала леди Берта. — Если им разрешат.

— Кто?

— Дом.

Ответ прозвучал так, будто речь шла о живом существе.

Берта достала из связки длинный ключ. Он был не металлический, а белый, костяной на вид, с узором из переплетённых снежинок. Когда ключ вошёл в замок, дверь тихо вздохнула.

Алиса не вздрогнула. Почти.

За серебряной дверью оказалось теплее, чем она ожидала. Не уютно, но не ледяно. Длинная галерея с окнами на внут-

ренный двор, несколько дверей по обе стороны, ковёр с выцветшими зверями, низкие шкафы с игрушками, длинный стол у стены. На столе лежали деревянные кубики, перья, листы плотной бумаги, коробка с мелками. Всё было расставлено аккуратно, но не по-детски. Так убирают в комнате, где игрушки служат доказательством заботы, а не поводом для игры.

У дальнего окна сидел мальчик.

Алиса узнала его сразу, хотя видела только портрет младенца и слышала несколько слов через дверь. Эйран был худой, темноволосый, в тёмной рубашке с высоким воротом. Сидел очень прямо, почти неподвижно. Перед ним лежал лист. В руке — угольный мелок. Он не поднял головы, когда они вошли.

На листе выростала башня.

Чёрная, узкая, с окнами, похожими на пустые глаза. Вокруг башни мальчик нарисовал небо, исчерченное белыми линиями. Но самые страшные линии были не в небе, а внизу: они тянулись от башни к маленьким фигуркам людей, как цепи.

У зеркала стояла девочка.

Мира была меньше, чем Алиса ожидала. В белом платице с синими лентами она казалась почти прозрачной на фоне замёрзшего стекла. Кудри спадали на плечи беспорядочно, будто их расчесали утром чужие руки и тут же сдались. Девочка прижимала к груди стеклянную птицу без одного

крыла.

Зеркало перед ней было закрыто тонкой серой тканью.

И всё равно Мира смотрела именно туда, где под тканью должно было быть отражение.

— Нет, — сказала девочка тихо.

Алиса остановилась у порога.

Леди Берта раздражённо выдохнула.

— Княжна, с вами пришла новая гувернантка. Следует повернуться и поприветствовать её.

— Нет, — повторила Мира, но уже не управляющей.

Она говорила с зеркалом.

Алиса видела это по наклону головы, по напряжённым плечам, по тому, как маленькие пальцы сжимали стеклянную птицу.

— Мира, — сказала леди Берта холоднее.

Девочка вдруг засмеялась.

Тонко. Пусто. Не потому, что ей было весело, а потому что смех спасал от чего-то другого. Ткань на зеркале чуть дрогнула, хотя окна были закрыты.

Молодой стражник за спиной Алисы шумно сглотнул.

Эйран перестал рисовать.

Алиса сделала один шаг вперёд.

— Доброе утро, — сказала она.

Мира не повернулась.

— Она говорит, вы уйдёте.

— Кто? — спросила Алиса.

Леди Берта резко сказала:

— Княжна фантазирует. Не поддерживайте.

Алиса не посмотрела на управляющую. Она смотрела на девочку — точнее, на её спину. Важно было не требовать глаз. Вчера ей велели не смотреть детям в глаза. Сегодня она сама решила: сначала не заставлять их смотреть в её.

— Возможно, уйду, — сказала Алиса. — Люди вообще часто куда-нибудь уходят. Вопрос в том, возвращаются ли они потом.

Мира перестала смеяться.

— Вы вернётесь?

— Если обещала, то да.

Эйран поднял голову.

Глаза у него были серо-синие. Слишком серьёзные для семи лет. Не мёртвые, как говорила предыдущая гувернантка. Уставшие. Недоверчивые. Взрослые не в смысле мудрости, а в смысле раннего знания: если поверить не тому человеку, будет больно.

Алиса выдержала его взгляд не как вызов, а как встречу. Не стала улыбаться слишком широко. Не сказала «здравствуй, хороший». Дети, которых боятся, обычно не верят сладким словам.

— Ты Эйран, — сказала она. — Я Алиса.

Леди Берта кашлянула.

— Госпожа Алисандра Вейр.

— Алисандра — для документов, — спокойно сказала

Алиса. — Алиса короче. Если его светлость не возражает, детям удобнее короткое имя.

— Его светлость не давал такого разрешения.

— Тогда можете записать это в перечень моих утренних проступков.

На лице Эйрана ничего не изменилось. Но кончик угольного мелка в его пальцах дрогнул.

Мира медленно повернулась.

Алиса впервые увидела её лицо.

Большие светлые глаза. Острый подбородок. Бледные губы. На щеке — отпечаток складки от подушки. Совсем маленькая девочка, которую пытались превратить то ли в знамение беды, то ли в удобную тень.

— Вы правда не шипите, — сказала Мира.

Леди Берта застыла.

Алиса почувствовала, как в галерее сгущается чужое внимание. Стражники, управляющая, даже старый дом — все будто ждали, станет ли она отрицать ночной разговор.

— С утра особенно, — ответила Алиса. — Я ещё не успела рассердиться.

Мира моргнула.

Эйран очень тихо сказал:

— Она слышала.

— Слышала, — подтвердила Алиса. — Но секреты через двери я не рассказываю.

Леди Берта шагнула ближе.

— Госпожа Вейр, напомним: вы здесь под присмотром.

— Я помню.

— Тогда начните занятие.

— С чего обычно начинаются ваши занятия?

— С чтения родовой хроники, повторения правил поведения и упражнений в неподвижности.

Алиса повернулась к ней медленно.

— В неподвижности?

— Наследник и княжна должны уметь сидеть спокойно на Совете.

— Им семь и пять.

— Поэтому начинать следовало раньше.

— Начинать следовало с завтрака, движения и нормального разговора.

Управляющая скрестила руки.

— Вы в этом доме меньше суток.

— Да. Поэтому пока спрашиваю, а не меняю всё без предупреждения.

— Вы уже пытаетесь.

Алиса посмотрела на детей.

Эйран снова склонился над рисунком, но теперь не рисовал. Мира стояла с птицей у груди и слушала каждое слово. Не смысл даже — тон. Для таких детей спор взрослых всегда был не спором, а предвестием того, кого накажут потом.

Алиса смягчила голос.

— Я проведу первое занятие здесь. Без окон, без прогу-

лок, без нарушения ваших главных правил. Но не с упражнений в неподвижности.

— И что же вы намерены делать?

— Знакомиться.

— С детьми княжеского рода знакомятся по протоколу.

— А с напуганными детьми — по-человечески.

Леди Берта так сжала ключи, что они звякнули.

— Час, госпожа Вейр. У вас час.

— Благодарю.

— Не благодарите раньше времени.

Управляющая отошла к двери, но не вышла. Стражники остались за порогом. Серебряная линия блестела за их сапогами как напоминание: у этой комнаты есть границы.

Алиса сняла платок и положила его на спинку стула. Не у стола, где сидел Эйран, и не у зеркала, где стояла Мира. Посередине. Потом подошла к низкому шкафу с игрушками и присела перед ним.

— Можно?

Эйран нахмурился.

— Что?

— Открыть шкаф.

— Вы спрашиваете нас?

— Шкаф в вашей комнате. Значит, да.

Мира посмотрела на брата.

Эйран пожал плечом, но небрежность вышла слишком старательной.

— Он не заперт.

— Это не одно и то же.

Алиса открыла створку. Внутри лежали деревянные звери, несколько кукол, коробка с каменными фигурками, ленты, маленький барабан, набор резных букв. Всё чистое. Всё холодное на вид. Игрушки, которыми давно пользовались под надзором.

Она выбрала три предмета: деревянного волка с отколотым ухом, стеклянную бусину и маленький кусочек синей ткани.

— У меня в прежнем... — она вовремя остановилась, — в прежнем месте работы было правило. Первый день — без уроков. Каждый выбирает вещь, которая ему сегодня больше всего похожа на настроение.

Мира подошла на полшага ближе.

— Настроение не похоже на вещи.

— Иногда похоже.

— Моё похоже на снег под кроватью.

— Тогда можно выбрать что-нибудь белое и спрятанное.

Девочка задумалась. Потом осторожно опустилась возле шкафа, но так, чтобы между ней и Алисой оставалось расстояние. Долго рылась в нижнем ящике и достала маленькую белую пуговицу.

— Вот.

— Почему?

Мира сжала пуговицу в ладони.

— Она оторвалась, и никто не пришел обратно.

Леди Берта у двери прикрыла глаза, словно это было нарушением всех возможных приличий.

Алиса кивнула.

— Понимаю.

— Не понимаете.

— Не до конца. Но могу послушать.

Мира посмотрела на неё внимательнее. Слишком внимательно для пятилетней девочки, но по-детски прямо.

— А ваше настроение?

Алиса взглянула на три выбранные вещи. Могла бы взять волка — он подходил к замку. Бусину — к чужому синему кольцу на пальце. Но вместо этого подняла кусочек ткани.

— Моё похоже на это.

— Почему?

— Потому что я пока не знаю, от чего он оторвался.

Эйран, кажется, слушал. Хотя делал вид, что нет.

— Глупая игра, — сказал он.

— Возможно.

— Она ничего не меняет.

— В первый день не всё должно что-то менять.

— Тогда зачем?

— Чтобы понять, с чего начинать завтра.

Мальчик сжал мелок.

— Завтра вас может не быть.

— Может.

— Тогда зачем начинать?

Вопрос был не грубым. Настоящим.

Алиса встала и подошла к столу, но не слишком близко. Башня на листе стала видна лучше. Внизу, среди цепей, была крошечная фигурка девочки. Рядом — мальчик. Оба без лиц.

— Потому что если думать только о том, кто может уйти, ничего не начнётся вообще.

Эйран медленно поднял на неё глаза.

— Это неправда.

— Что именно?

— Всё начинается. Даже плохое.

Алиса не нашла лёгкого ответа. И не стала искать. Дети хорошо слышат фальшь, особенно те, кому часто лгали ради их же спокойствия.

— Да, — сказала она. — Плохое тоже начинается. Но хорошее не начнётся само, если ему всё время не давать места.

— Хорошее шумит, — сказала Мира вдруг. — Потом приходят взрослые.

— Как шумит?

Девочка обняла птицу.

— Смеётся.

Вот почему её смех звучал так пусто. Смех в этом доме давно стал не радостью, а сигналом тревоги.

Алиса опустила на стул рядом со столом, оставив между собой и Эйраном расстояние вытянутой руки.

— Тогда сегодня хорошее будет тихим.

— Так не бывает, — сказал Эйран.

— Проверим?

Он не ответил.

Алиса взяла чистый лист и положила его на стол.

— Я не буду трогать твой рисунок. Можно мне нарисовать рядом свой?

Эйран посмотрел на неё с таким подозрением, будто она попросила ключ от родовой сокровищницы.

— Вы умеете?

— Плохо.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты мог не восхищаться.

Мира снова тихо хихикнула. На этот раз смех был короче, но живее.

Эйран посмотрел на сестру, потом на Алису, потом на её чистый лист.

— Рисуйте.

Алиса взяла мелок. Рисовала она действительно посредственно. Поэтому не стала изображать ничего сложного: линию пола, кривое окно, маленький стол, две чашки, стул, очень неровную птицу на подоконнике.

Мира подошла ближе.

— Это не птица.

— Да. Это моя попытка птицы.

— У неё хвост как у метлы.

— Зато характер сильный.

Мира прижала ладонь ко рту.

Даже Эйран моргнул чаще обычного.

— Птицы не бывают такими, — сказала девочка.

— Эта бывает. Она летает только туда, где её не критикуют.

— Тогда ей здесь нельзя, — сказал Эйран.

Алиса остановила мелок.

— Почему?

Мальчик посмотрел на свою башню.

— Здесь всё критикуют.

Леди Берта у двери резко сказала:

— Наследник, следите за словами.

И в этот же миг в комнате стало холоднее.

Не сильно. На один вдох. Но Алиса заметила, как по краю стола побежал тонкий иней. Мелок в пальцах Эйрана треснул. Мира прижала птицу к груди так резко, что та тихо звякнула.

Вот оно.

Не проклятие. Не внезапная жестокость. Реакция.

Страх.

— Леди Берта, — сказала Алиса спокойно, не поворачиваясь, — прошу вас, не поправляйте его сейчас.

— Вы не имеете права указывать мне при детях.

Иней пополз дальше, уже к листу Алисы.

Эйран опустил голову. Лицо стало пустым.

Мира перестала дышать.

Алиса положила ладонь на свой рисунок — не на иней, не на руку мальчика, только на бумагу.

— Эйран, посмотри, пожалуйста, на мою ужасную птицу. Он не двинулся.

— У неё сейчас отморозится хвост-метла, и я не смогу доказать, что это был художественный замысел.

Мира судорожно фыркнула.

Эйран медленно перевёл взгляд на лист.

— Он уже плохой.

— Вот именно. Нельзя же ему стать ещё хуже.

Мелок в его пальцах перестал крошиться. Иней у края стола замер.

Леди Берта молчала. Алиса чувствовала её раздражение спиной, но не оборачивалась. Если сейчас устроить спор, дети снова окажутся в центре чужой борьбы.

— Давай так, — сказала Алиса. — Ты можешь исправить птицу. Если захочешь. А я не трону башню.

Эйран смотрел на рисунок так, будто предложение было подвохом.

— Почему?

— Потому что это твой рисунок.

— Все трогают.

— Я не все.

— Все так говорят.

— Значит, я буду не говорить, а сидеть рядом и держать

руки при себе.

Мира вдруг подошла совсем близко к столу и положила свою белую пуговицу рядом с кривой птицей.

— Ей нужен глаз.

— Птице?

— Пуговица.

— Тогда у неё будет один глаз.

— Она будет видеть только то, что хочет, — сказала Мира и покосилась на закрытое зеркало.

Ткань на зеркале дрогнула.

Сердце Алисы стукнуло сильнее. Она заметила, что никто не двигался. Окна закрыты. Ветра нет.

Ткань дрогнула снова.

Мира улыбнулась пустой улыбкой.

— Не надо, — сказала она зеркалу. — Она пока не знает.

— Мира, — быстро произнесла леди Берта. — Отойди от зеркала.

Девочка сжалась.

Ткань взлетела на краю, как от резкого дыхания.

В зеркале под серой пеленой мелькнуло что-то светлое.

Стражник за дверью шагнул вперёд.

Алиса подняла руку — не приказывая, а останавливая движение.

— Мира, — сказала она мягко. — А птица с одним глазом умеет петь?

Девочка не ответила. Смотрела на зеркало.

— Мира.

— Она говорит, там холодно.

— Кто?

— Девочка.

Леди Берта побледнела от гнева или страха — Алиса не поняла.

— Немедленно прекратите.

Зеркало покрылось инеем поверх ткани. Серебристые узоры расплзлись по серому полотну, складываясь в подобие детской ладони.

Мира начала смеяться.

Тот же смех. Пустой. Звонящий. На грани слёз.

— Она стучит, — прошептала девочка. — Она опять стучит.

Эйран резко встал. Его стул упал, ударившись о ковёр глухо, но все вздрогнули так, будто громыхнул гром.

— Не смотри! — крикнул он сестре.

Окна в галерее мгновенно побелели.

Старший стражник выругался сквозь зубы, но без грубого слова, скорее как испуганный выдох. Леди Берта бросилась к Мире, однако девочка отшатнулась и ещё крепче сжала стеклянную птицу.

— Не трогайте её! — Алиса сама не ожидала, что голос прозвучит так твёрдо.

Управляющая обернулась.

— Вы забываетесь!

— Она боится. Не хватайте её.

— Княжна должна отойти от зеркала.

— Да. Но сама.

Алиса медленно встала. Не к зеркалу — к Мире, но чуть сбоку, чтобы не закрывать девочке выход.

— Мира, посмотри на меня.

Девочка засмеялась громче.

— Нельзя смотреть.

— Тогда на птицу. На свою птицу. Как её зовут?

— Она не говорит имён.

— Почему?

— Если сказать имя, его заберут.

Эйран побледнел.

Алиса краем глаза увидела, как он стиснул край стола. Иней по окнам стал толще. На стекле проступили тёмные силуэты двора, искажённые белым узором.

Имя.

Значит, страх был связан не только с зеркалом. С тем, что дети называли. С тем, что у них уже пытались отнять.

— Тогда не говори, — сказала Алиса. — Пусть сегодня она будет просто птицей.

— Просто птицы разбиваются.

— Не все.

— Все стеклянные.

— Если их бросить — да. Если держать бережно — нет.

Мира посмотрела вниз, на свои пальцы. Они сжимали

птицу так крепко, что ещё немного — и стекло могло треснуть.

— У меня не получается бережно.

— Получится. Давай вместе. Не мне в руки, нет. Я не буду брать. Только разожми один пальчик. Самый маленький.

Мира всхлипнула сквозь смех.

Ткань на зеркале натянулась, будто с той стороны кто-то прижал к ней лицо.

Алиса заставила себя не смотреть туда. Весь замок хотел, чтобы она смотрела. Чтобы испугалась. Чтобы подтвердила ожидания взрослых. Но сейчас перед ней была не магия, не проклятие и не страшная история леди Берты.

Перед ней была пятилетняя девочка, которую никто не учил отпускать страх по одному пальцу.

— Один пальчик, Мира, — повторила Алиса. — Только мизинец.

Девочка медленно разжала мизинец.

Иней на зеркале перестал расти.

— Хорошо. Теперь следующий.

— Она злится, — прошептала Мира.

— Птица?

— Нет. Та девочка.

— Пусть злится. Мы сейчас заняты.

Эйран вдруг посмотрел на Алису так, будто она сказала невозможное.

— Нельзя так с ней говорить.

— С кем?

Он зажал губы.

Мира разжала второй палец.

Потом третий.

Стеклянная птица больше не хрустела в ладони. Девочка всё ещё дрожала, но смех оборвался. На его месте остались короткие рваные вдохи.

— Теперь положи птицу на стол, — сказала Алиса. — Рядом с пуговицей. Чтобы она посмотрела на мою некрасивую птицу и почувствовала себя особенно прекрасной.

Мира фыркнула сквозь слёзы.

— Ваша правда очень некрасивая.

— Я старалась.

Девочка сделала шаг к столу.

Леди Берта хотела двинуться следом, но Алиса бросила на неё короткий взгляд. Не дерзкий. Просительный и твёрдый одновременно: не сейчас.

Управляющая остановилась.

Мира положила стеклянную птицу рядом с рисунком. Пальцы её сразу спрятались в складках платья.

Окна начали медленно оттаивать изнутри. Не полностью, но белизна стала тоньше. Зеркало под тканью больше не шевелилось.

Эйран опустился на стул, не поднимая упавший. Он дышал часто, как после бега, хотя всё время стоял на месте.

Алиса взяла другой стул и поставила рядом с ним.

— Можно я сяду?

— Вы уже сидели.

— Сейчас спрашиваю снова. После страшного всё немного меняется.

Он посмотрел на неё, потом кивнул едва заметно.

Она села.

В галерее никто не говорил. Даже леди Берта, кажется, не знала, какой приказ будет уместен после того, как мир не рухнул, хотя новая гувернантка позволила детям дышать.

Наконец управляющая произнесла:

— Этого не должно было случиться.

Алиса повернулась к ней.

— А что именно? То, что Мира испугалась? Или то, что её получилось успокоить без стражи?

Старший стражник отвёл взгляд. Молодой смотрел на Алису с чем-то похожим на изумление.

Леди Берта побледнела сильнее.

— Вы не понимаете, с какими силами играете.

— Не понимаю. Поэтому не играю. Я смотрю на детей.

— Вы смотрите только на то, что хотите видеть.

— Возможно. Но я хотя бы смотрю на них, а не только на последствия вокруг.

Мира стояла у стола и осторожно касалась белой пуговицы. Эйран поднял стул, но так тихо, будто боялся, что звук снова всё испортит.

— Урок окончен, — сказала леди Берта. — Госпожа Вейр,

покиньте галерею.

— Час ещё не прошёл.

— После проявления княжны...

— После испуга княжны.

— Не спорьте со мной.

— Я спорю не с вами, а со способом, который только усиливает то, чего вы боитесь.

Леди Берта подошла ближе. В её глазах больше не было только порядка. Там был страх, глубже и старше утренней сцены.

— Однажды такие рассуждения уже довели этот дом до траура.

Алиса почувствовала, как слова коснулись детей.

Эйран застыл.

Мира медленно подняла голову.

Траур.

Княгиня.

Башня.

Запрет обсуждать мать.

Нет, так нельзя. Не при них. Не так.

— Леди Берта, — сказала Алиса тихо. — При детях не стоит говорить о том, за что они могут принять вину.

— Они должны знать цену...

— Они уже знают больше, чем должны.

И тут за спиной раздался голос:

— Продолжайте, госпожа Вейр.

Все обернулись.

Князь Рэйнар стоял у входа в галерею.

Алиса не слышала, как он вошёл. Ни шагов, ни скрипа двери. На нём был тёмный дорожный плащ, припорошенный снегом у плеч. Лицо спокойное, но глаза — холоднее утреннего неба за окнами. Он смотрел не на детей. На Алису.

Рядом с ним стоял незнакомый мужчина в светло-сером камзоле. Невысокий, стройный, с безупречно уложенными светлыми волосами и мягкой улыбкой человека, который никогда не повышает голос, потому что привык ранить тише. На пальце у него блеснул перстень с белым кругом, перечёркнутым тонкой линией.

Алиса узнала знак мгновенно.

Такой же был на письме в её саквояже.

Мужчина заметил её взгляд — и улыбнулся чуть теплее.

— Какая необычная гувернантка, ваша светлость, — сказал он. — Я уже слышал, что госпожа Вейр прибыла с характером. Но не думал, что она начнёт перестраивать дом до завтрака.

Мира резко спряталась за край стола.

Эйран опустил взгляд на рисунок, но его пальцы легли поверх сестриной стеклянной птицы, будто закрывая её от чужих глаз.

Алиса заметила.

И запомнила.

Вот рядом появился определённый придворный — и дети

изменились прежде, чем он успел приблизиться.

Рэйнар тоже это увидел? Его лицо оставалось непроницаемым.

— Лорд Савель, — сказала леди Берта, делая поклон. — Мы не ожидали вас в детской галерее.

— Я приехал узнать, всё ли готово к Совету. А тут столько жизни. Даже приятно, хотя немного тревожно.

Он говорил мягко, почти ласково. Но Мира побледнела так, что Алисе захотелось встать между ним и детьми.

Савель перевёл взгляд на девочку.

— Княжна Мира. Вы опять беседовали с зеркалом?

Девочка не ответила.

— Нехорошо заставлять взрослых волноваться.

Эйран тихо сказал:

— Она не заставляла.

— Ах, наследник сегодня защищает сестру. Похвально.

Слово было добрым, но по комнате будто прошла тонкая трещина.

Иней снова проступил на краю стола.

Алиса увидела это первой.

— Лорд Савель, — сказала она.

Он повернулся к ней охотно, словно только и ждал обращения.

— Госпожа Вейр.

— Вы, вероятно, не знаете, что первое занятие ещё продолжается.

— Разве? Мне показалось, занятие уже вышло из-под контроля.

— Контроль — не единственная форма порядка.

— Опасное утверждение для северного дома.

— Возможно. Но полезное для детской комнаты.

Савель улыбнулся шире. В глазах тепла не прибавилось.

— Вы смелая.

— Сегодня мне уже говорили.

— В этом доме смелость ценят. Пока она не становится угрозой.

— Для кого?

— Для тех, кто не может защититься сам.

Его взгляд скользнул к детям.

Мира вцепилась в край стола. Эйран сжал стеклянную птицу так, что Алиса едва удержалась от движения.

Рэйнар молчал.

Это молчание разозлило Алису сильнее, чем прямой запрет. Он видел. Должен был видеть. Своих детей. Их плечи, руки, лица. То, как при одном появлении этого вежливого человека у них возвращался страх.

И всё равно молчал.

Может, потому что не понимал. Может, потому что привык считать Савеля частью порядка. Может, потому что в этом доме страх детей так долго называли опасностью детей, что даже отец уже не всегда различал, где причина, а где следствие.

Алиса встала.

— Мира, Эйран, — сказала она спокойно. — Мы не закончили с птицей.

— Госпожа Вейр, — голос Рэйнара наконец прорезал воздух. — Не сейчас.

— Именно сейчас, ваша светлость.

Леди Берта тихо ахнула.

Савель заинтересованно поднял брови.

Рэйнар сделал шаг вперёд.

— Осторожнее.

— Я очень осторожна.

— Вы противоречите мне при моих детях.

— Нет. Я показываю вашим детям, что взрослые могут говорить о них, не делая вид, будто они мебель.

На лице князя не дрогнул ни один мускул.

— Вы забыли своё место.

— Возможно. Но не забыла, зачем здесь.

— Вас наняли не для...

— Для тишины, да. Я помню. Но вы видели, что происходит с этой тишиной? Она не успокаивает их, ваша светлость. Она давит. Стоит кому-то сказать неправильное слово, и Эйран замораживает стол. Стоит кому-то приблизиться не вовремя, и Мира смеётся так, будто иначе ей придётся закричать.

Мира спрятала лицо за плечом брата.

Эйран не отодвинулся.

Это было маленькое движение. Но Алиса увидела в нём больше братской верности, чем во всех родовых девизах на камнях замка.

— Достаточно, — сказал Рэйнар.

— Нет, — тихо ответила Алиса. — Недостаточно.

Теперь в галерее замерли все.

Даже Савель перестал улыбаться на одно короткое мгновение.

Алиса понимала: она рискует. Слишком рано, слишком открыто, слишком остро. Но если сейчас отступить, дети увидят только привычное: взрослый заговорил — другой замолчал — их снова увели за дверь.

— Они не испорченные, — продолжила она. — Не чудовища. Не знамение беды. Они дети, которые живут в ожидании, что любое движение станет преступлением. Эйран молчит не потому, что в нём нет слов. Мира смеётся не потому, что ей весело. И если вы хотите, чтобы на Совете они сидели спокойно, начните не с неподвижности. Начните с того, чтобы им было не страшно дышать.

Рэйнар смотрел на неё так, что любой разумный человек давно бы поклонился и попросил прощения.

Алиса была разумной. Обычно.

Но за её спиной стояли дети.

— Вы закончили? — спросил князь.

— Нет. Но могу сделать паузу.

Савель тихо рассмеялся.

— Какая находка. Ваша светлость, признаю, госпожа Вейр умеет превращать простое поручение в представление.

Рэйнар даже не взглянул на него.

— Лорд Савель, оставьте нас.

Улыбка на лице Савеля застыла.

— Разумеется. Но напомним, что Совет ждёт от нас уверенности. Любое послабление в детском крыле может быть истолковано...

— Оставьте нас, — повторил Рэйнар.

На этот раз в голосе не было холода. Был приказ.

Савель склонил голову. Перед уходом его взгляд на миг задержался на Алисе, потом на Мире, потом на рисунке Эйрана. Слишком внимательно. Будто он не просто смотрел, а пересчитывал слабые места.

Когда он ушёл, воздух в галерее изменился.

Мира сделала первый глубокий вдох.

Алиса заметила это.

И, кажется, Рэйнар тоже.

Он медленно перевёл взгляд на дочь. Потом на сына. Потом на тонкий иней у края стола.

— Дети, — сказал он.

Эйран напрягся.

Мира опустила глаза.

В этом единственном слове не было грубости. Но дети слышали не отца. Князя. Главу дома. Того, кто приходит после происшествия, чтобы решить, насколько всё плохо.

Алиса не вмешалась. Сейчас это было между ними.

Рэйнар, будто с трудом подбирая дорогу через незнакомый снег, произнёс:

— Вы пострадали?

Мира мотнула головой.

Эйран сказал:

— Нет.

— Стекло?

— Целое.

Князь посмотрел на птицу под рукой мальчика.

— Ты держишь Мирину птицу.

Эйран сразу убрал пальцы.

— Я не сломал.

— Я не обвинял.

Мальчик не ответил. Но Алиса увидела, как его плечи чуть опустились. Не расслабились — до этого было далеко. Просто одно ожидание удара не сбылось.

Рэйнар повернулся к Алисе.

— В коридор.

— Дети...

— Останутся с леди Бертой.

Мира вскинула голову.

— Нет.

Слово прозвучало тихо, но в нём было столько ужаса, что леди Берта побледнела.

— Княжна, — сказала управляющая.

— Нет.

Эйран взял сестру за руку.

На окнах снова проступил иней.

Рэйнар сжал челюсть. Алиса видела, как в нём борются раздражение, страх, привычка приказать и что-то ещё — тяжёлое, глухое, может быть, вина.

Он повернулся к леди Берте.

— Оставьте их.

— Ваша светлость?

— За дверью. С открытым проходом.

— Но после случившегося...

— Я сказал.

Берта поклонилась. Неохотно, жёстко, но подчинилась. Стражники тоже отступили за порог. В галерее остались только дети, Рэйнар и Алиса.

Князь указал на начало галереи, к окну, достаточно далеко, чтобы дети не слышали каждое слово, но всё ещё могли видеть их.

Алиса пошла первой.

Когда они остановились у окна, она заметила, что снаружи внутренний двор был уже очищен от утреннего снега. На каменном волке с отколотым ухом лежала узкая белая полоса. Трещина на его груди казалась глубже.

— Вы намеренно провоцируете меня? — спросил Рэйнар тихо.

— Нет.

— Тогда у вас редкий дар делать это случайно.

— Возможно, это взаимно.

Он посмотрел на неё так, будто не сразу решил, возмутиться или пропустить.

— Вы понимаете, что лорд Савель входит в Совет рода?

— Теперь понимаю.

— Вы понимаете, что его слово может повлиять на решение о детях?

— Да.

— Тогда зачем спорили с ним?

— Потому что при нём они испугались.

Рэйнар молчал.

— Вы видели, — сказала Алиса. — Мира почти перестала дышать. Эйран закрыл её птицу рукой. Иней пошёл после слов леди Берты, усилился при Савеле. Не до. После.

— Вы делаете выводы слишком быстро.

— Я делаю наблюдения. Выводы — позже.

— Госпожа Вейр...

— Алиса.

Он замолчал.

Она сама не знала, зачем сказала это именно сейчас. Может, потому что имя Алисандра каждый раз ложилось между ними как ещё одна ложь. Может, потому что дети уже слышали короткое имя, и оно стало маленькой ниточкой доверия.

— Для детей, — добавила она. — Не для Совета.

— Вы слишком легко меняете установленные формы.

— Потому что установленные формы здесь не работают.

— Этот дом простоял триста лет.

— А дети в нём счастливы?

Его лицо потемнело.

Алиса почти пожалела. Почти.

— Вы бьёте туда, где не знаете боли, — сказал он.

— Возможно. Но вы защищаете боль так усердно, что она достаётся им по наследству.

Он резко отвернулся к окну.

Несколько секунд они молчали.

В другом конце галереи Мира что-то тихо сказала брату. Эйран ответил одним словом. Алиса не расслышала, но увидела, что девочка подвинула стеклянную птицу ближе к её неудачному рисунку.

Значит, пока не всё испорчено.

— Я не знаю, что случилось в башне, — сказала Алиса тише. — Не знаю, почему умерла княгиня. Не знаю, почему Совет имеет власть над вашими детьми. Но я знаю другое: если ребёнка каждый день встречают страхом, он однажды начнёт отвечать тем же. Не потому, что злой. Потому что другого языка ему не оставили.

Рэйнар не смотрел на неё.

— Вы говорите так, будто всё просто.

— Нет. Просто было бы запереть дверь и требовать тишины. Я предлагаю сложнее.

— Что именно?

— Сегодня — не запирайте их после испуга.

Он медленно повернулся.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что после подобных всплесков они должны оставаться в своих комнатах до полного успокоения дома.

— Дома или взрослых?

— Не играйте словами.

— Я не играю. Я спрашиваю. Если их сейчас разведут по комнатам и запрут, они поймут только одно: испугались — наказали. Потом будут бояться ещё сильнее.

— А если не запереть?

— Тогда они впервые увидят, что после страха жизнь продолжается.

Рэйнар посмотрел на детей.

Мира сидела за столом, но не на своём месте — рядом с Эйраном. Мальчик взял мелок и, очень медленно, не спрашивая разрешения, пририсовывал к Алисийной кривой птице второе крыло. Неровное, угловатое, но настоящее.

Что-то в лице князя изменилось.

Не смягчилось. Нет. Скорее треснуло на волосок, как лёд, под которым ещё не видно воды, но уже слышно напряжение.

— На час, — сказал он наконец.

Алиса не сразу поверила.

— Что?

— Они останутся в галерее ещё на час. Без зеркала.

— Ткань пусть остаётся. Но не надо уносить зеркало при них.

— Почему?

— Потому что тогда оно победит.

Рэйнар изучал её взглядом.

— Вы говорите о зеркале как о противнике.

— Нет. Я говорю о страхе.

— Вы всегда так упрямы?

— Только когда иначе будет хуже.

Он коротко выдохнул. Не смех. Но уже и не гнев.

— Леди Берта была права. Вы не похожи на прежних.

— Это хорошо?

— Пока не знаю.

— Зато честно.

— Честность в этом доме редко бывает безопасной.

— Я уже заметила.

Он подошёл к детям первым.

Алиса осталась у окна. Это было важно: не перехватить его место, не стать между отцом и детьми там, где он сам решил приблизиться. Она могла быть рядом, но не вместо.

Рэйнар остановился у стола.

Эйран положил мелок, как будто его поймали на нарушении.

— Продолжай, — сказал князь.

Мальчик поднял глаза.

— Что?

— Крыло. Оно ещё не закончено.

Мира посмотрела на отца так, будто он заговорил на забытом языке.

Эйран несколько секунд не двигался. Потом снова взял мелок и дорисовал птице хвост. Уже не как метлу, а как острый веер.

— Лучше, — сказал он Алисе, не глядя на неё.

— Бесспорно, — ответила она. — Теперь птица хотя бы не оскорбляет северное искусство.

Мира улыбнулась.

Маленькой настоящей улыбкой.

И в этот момент Алиса поняла, что день уже стоил всего риска.

Конечно, через минуту всё не стало прекрасным. Рэйнар всё ещё стоял слишком прямо. Эйран всё ещё следил за каждым движением взрослых. Мира то и дело косилась на зеркало под тканью. Леди Берта за дверью выглядела так, будто за этот час состарилась на несколько лет. Стражники не знали, куда девать глаза.

Но дети остались в галерее.

Не в комнатах.

Не за новыми замками.

Не в наказании за собственный страх.

Алиса не пыталась устроить настоящий урок. Они просто сидели за столом. Эйран исправлял её рисунок. Мира выби-

рала из ящика мелкие предметы для «настроения»: синюю ленту, деревянную ложку, плоский камешек, кусочек стекла, похожий на льдинку. Алиса не спрашивала лишнего. Только называла то, что видела.

— Камешек гладкий.

— Он молчит, — говорила Мира.

— Ложка деревянная.

— Ей не больно, если она падает.

— Лента синяя.

— Такая была у мамы.

После этого все замолчали.

Рэйнар, стоявший у окна, не повернулся, но его рука на подоконнике сжалась.

Алиса не стала развивать тему. Только придвинула к Мира белую пуговицу.

— Пуговицу можно пришить обратно, если найти, к чему она подходит.

Девочка провела пальцем по краю пуговицы.

— А если не найти?

— Тогда она может стать глазом птицы.

Мира подумала и кивнула.

Эйран тихо сказал:

— Не всё возвращается на место.

Алиса посмотрела на него.

— Да. Иногда приходится искать новое место.

— Это неправильно.

— Иногда это больно. Не всегда неправильно.

Он нахмурился, но не отвернулся.

Когда час закончился, Рэйнар сам сказал детям, что они могут остаться в галерее до обеда. Без зеркала, но с рисунками. Леди Берта хотела возразить, однако одного взгляда князя хватило, чтобы она промолчала.

Мира не бросилась радоваться. Просто спросила:

— Правда?

Рэйнар ответил:

— Правда.

— А если дом рассердится?

Пауза была почти незаметной.

— Я поговорю с домом, — сказал он.

Это было странно. Нелепо даже. И всё же Мира приняла ответ серьёзно.

— Он вас слушает?

Рэйнар посмотрел на серебряную линию у порога.

— Не всегда.

Эйран вдруг сказал:

— Сегодня слушал.

Князь перевёл взгляд на сына.

— Ты так думаешь?

Мальчик пожал плечом.

— Он не закрыл дверь.

Рэйнар ничего не ответил. Но Алиса увидела, как это простое детское замечание попало в него глубже, чем весь её

спор.

Когда она вышла из галереи, ноги вдруг стали ватными. Напряжение, державшее её всё утро, начало отпускать слишком резко. Хотелось сесть прямо на ступени у серебряной двери и закрыть глаза. Но рядом была леди Берта, а чуть дальше — князь, и падать от усталости в первый же рабочий день казалось плохой стратегией.

— Госпожа Вейр, — сказала управляющая сухо. — Ваше поведение будет внесено в дневной отчёт.

— Пишите разборчиво.

Берта окинула её взглядом.

— Вы думаете, что победили.

— Нет. Я думаю, что дети пообедают не в слезах. На сегодня достаточно.

Эта фраза почему-то задела управляющую сильнее, чем дерзости.

— Вы не знаете, чего будет достаточно для этого дома.

— Поэтому и не пытаюсь спасти весь дом за одно утро.

Леди Берта ушла, звеня ключами громче обычного.

Рэйнар остался.

Коридор опустел не сразу. Стражники переместились к дальнему посту, Марта появилась откуда-то с корзиной белья, увидела князя и тут же исчезла в боковой проход. Дверь детской галереи осталась приоткрыта. Изнутри доносился тихий голос Миры:

— Нет, крыло надо длиннее. А то она упадёт.

— Не упадёт, — отвечал Эйран. — Она просто не полетит туда, куда ты хочешь.

Алиса почувствовала, как горло сжимает нежностью. Осторожной, преждевременной, опасной. Вчера она пообещала себе сначала выжить. Сегодня уже нарушила собственную осторожность.

— Вы довольны? — спросил Рэйнар.

— Нет.

Он посмотрел с удивлением.

— Неожиданно.

— Довольной я буду, когда они перестанут ждать наказания за каждый вдох.

— Вы требуете слишком многого.

— Я пока прошу слишком малого.

— Вы понимаете, что сегодня произошло?

— Мира испугалась зеркала. Эйран испугался за неё. Ле-ди Берта испугалась их обоих. Лорд Савель испугал детей сильнее, чем зеркало. Вы испугались последствий. Я — того, что все снова выберут дверь и замок.

На лице князя появилась тень гнева.

— Вы слишком вольно называете мои чувства.

— Тогда поправьте меня.

Он молчал.

— Я не враг вам, ваша светлость, — сказала Алиса тише.

— Но если вы прикажете мне только следить, чтобы дети были удобными, я не справлюсь.

— Это угроза?

— Предупреждение о моей бесполезности в таком деле.

— Вы странно защищаете своё место.

— Я не место защищаю.

Рэйнар посмотрел на приоткрытую дверь.

— Восемь дней, — сказал он. — До Совета.

— Я помню.

— За восемь дней вы не исправите то, что ломалось годами.

— Я не собираюсь ничего исправлять, как треснувшую чашку.

— Тогда что?

— Начать замечать, где именно больно.

Он медленно перевёл на неё взгляд.

— Вы говорите так, будто знаете, что такое дом, где ребёнку больно.

Алиса вдруг ощутила, как опасно близко подошёл разговор к её собственной жизни. Не к той, которая принадлежала Алисандре Вейр, а к прежней Алисе — женщине из другого мира, у которой за плечами были не замки и родовые печати, а чужие дети с потухшими глазами и взрослые, уверенные, что строгость всегда спасает.

— Знаю не этот дом, — сказала она осторожно. — Но детей знаю.

— И этого достаточно?

— Нет. Но это начало.

Рэйнар будто хотел спросить ещё что-то, но из галереи раздался звон.

Они оба резко повернулись.

Не разбилось. Нет. Просто Мира поставила стеклянную птицу на стол слишком резко, и та покачнулась, поймав свет. Девочка тут же замерла, ожидая крика.

Эйран тоже замер.

Но крика не последовало.

Рэйнар стоял рядом с Алисой и смотрел на детей. Долго.

Потом сказал негромко, но так, чтобы они слышали:

— Осторожнее со стеклом, Мира.

Девочка кивнула.

И всё.

Никаких стражников. Никаких приказов. Никакого «отведите княжну».

Просто предупреждение.

Алиса не посмотрела на князя, чтобы не выдать, насколько важной была эта крошечная победа. Он, возможно, и сам не понял, что сделал. Или понял и не хотел, чтобы это заметили.

— Обед детям подать в галерею, — приказал он старшему стражнику. — Леди Берте передать: без упражнений в неподвижности сегодня.

Стражник поклонился.

— Да, ваша светлость.

Эйран в галерее поднял голову.

Мира смотрела на отца так, будто он только что передвинул стену.

Рэйнар развернулся и пошёл прочь по коридору. Алиса должна была остаться или уйти в свои комнаты — она не знала. Но князь остановился у поворота и, не оборачиваясь, сказал:

— Госпожа Вейр.

— Да?

— Сегодня вечером вы принесёте мне письменный распорядок для детей. Без революций.

— Что считать революцией?

— Всё, от чего леди Берта поседет окончательно.

— Тогда будет трудно.

— Постарайтесь.

На этот раз в его голосе мелькнуло нечто почти живое.

Потом он ушёл.

Алиса вернулась к себе ближе к полудню. За дверью детской галереи по-прежнему было тихо, но это была уже не та тишина, от которой хотелось бежать. В ней слышались шорох бумаги, детские шаги, редкие слова. Тихое хорошее, которое не зовёт взрослых на беду.

В комнате её ждал нетронутый завтрак, почти остывший. Алиса наконец села и съела лепёшку, не разбирая вкуса. Руки дрожали. Она положила их на колени, сжала пальцы и позволила себе выдохнуть.

Первый день.

Нет, даже не день. Только утро.

И уже слишком многое.

Она достала из стола бумагу, перо, чернила. Хотела начать распорядок для детей, но вместо этого несколько минут просто смотрела на чистый лист.

Что написать князю?

«Вашим детям нужны прогулки, свободная игра, предсказуемый режим, добрые взрослые, меньше Савеля и зеркало под наблюдением»?

Слишком прямо.

«Упражнения в неподвижности заменить на спокойные занятия руками. Чтение хроники ограничить. Ввести совместные завтраки. Разрешить рисование без оценки. Исключить наказание изоляцией после магических всплесков».

Уже лучше.

Она обмакнула перо.

Но не успела написать первую строку.

На подушке лежала записка.

Алиса была уверена, что утром её там не было. Постель оставалась почти нетронутой после беспокойной ночи, покрывало ровное, подушка чуть смята. И прямо в центре — тонкая пластинка льда, прозрачная, как замёрзшая слеза.

Внутри льда темнели буквы.

Не чернила. Тени.

Алиса осторожно взяла записку двумя пальцами. Холод обжёг кожу, но лёд не таял.

Буквы выступили яснее.

Не спасайте их.

Она задержала дыхание.

Ниже появилась вторая строка, будто проступила изнутри.

Они уже принадлежат двору.

Правила гувернантки

Не спасайте их.

Лёд холодил пальцы, но не таял.

Алиса сидела на краю кровати и смотрела на прозрачную пластинку так долго, что буквы начали казаться живыми. Они не были написаны чернилами. Тени внутри льда собирались в слова, слегка дрожали, будто под ними текла чёрная вода, и снова застывали.

Они уже принадлежат двору.

Не князю.

Не дому.

Не Северу.

Двору.

Алиса осторожно положила ледяную записку на стол рядом с чистым листом, на котором собиралась составить расписание для детей. Серый утренний свет падал из окна, и сквозь лёд на столешницу легла узкая тень, похожая на перечёркнутый круг.

Она не сразу дотронулась до пера.

Вчера в саквояже Алисандры Вейр она нашла письмо без подписи — с тем самым знаком: белый круг, перечёркнутый линией. Сегодня на подушке лежало предупреждение. Между этими двумя вещами был мост, по которому Алисе совсем не хотелось идти, но именно туда её уже подталкивали.

Кто-то знал, что она пытается изменить порядок.

Кто-то был достаточно близко, чтобы войти в её комнату.

И кто-то считал детей не детьми, а собственностью.

Она поднялась, подошла к двери и проверила засов. Заперт. С той стороны войти было нельзя. Через узкую дверь, ведущую к детскому крылу? Алиса посмотрела на тёмное дерево. Никаких следов. Ни инея на ручке, ни царапин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.